

Э.Ф.Нагуманова

ОБРАЗ НОЧИ В ПОЭЗИИ Ф.И.ТЮТЧЕВА И ТАТАРСКИХ ЛИРИКОВ НАЧАЛА XX ВЕКА

В 1906 г. А.Блок назвал Тютчева «самой ночной душой русской поэзии» [Блок 1962: 25], выразив тем самым общее в подходе символистов к его творчеству.

Ночь у Тютчева, как и у многих романтиков, - это тайна мироздания. В ночной природе все полно загадок: и «звездный сонм», и «сладкий свет месяца», и «чудный еженощный гул». Ночь – царство хаоса - оказывается столь же могущественной стихией, как и день. В чуждом, неразгаданом, «ночном» поэт узнает порой «наследье родовое» [Козырев 1974: 127]. Поэтому ужас навеивает ему и погружение в «темную пропасть» своей собственной души:

*В душе своей, как в бездне, погружен,
И нет извне опоры, ни предела!..
(«Святая ночь на небосклон взошла...»)*

В татарской поэзии начала XX в. также неоднократно ставилась тема дня и ночи. Причем ночь воспринималась лириками и в конкретном, и в символическом значении. Каждый из них пытался передать свое видение ночи; то величественной, то трагической представляла она перед взорами поэтов.

Многие стихотворения С.Рамиева и Дардменда были созвучны лирике Тютчева, в которой разрабатывалась «ночная» тематика [Саяпова 1998].

В творчестве Рамиева «...тема дня и ночи решается (...) в контексте основной проблемы его творчества – проблемы личности» [Саяпова 1998: 174]. Поэт обнаруживает явные несоответствия между действительным и тайным, наличным и скрывающимся. Сама жизнь показывала, что современный мир находился в распоряжении «темных сил». В стихотворении «Дөньяга» («Миру») поэт надеется, что уйдут «темные дни» и зародятся новые, гуманные взаимоотношения.

Рамиев разрабатывает и иную трактовку ночи. Ночь в ряде его стихотворений прекрасна до совершенства («Авыл» - «Деревня», «Мин үләм» - «Я умираю»).

Стихотворение «Авыл» соотносится со многими вещами Тютчева. Поэт описывает изумительно красивую деревенскую ночь:

*Нинди тамчы-тамчы нурлар
Сачраган күк йөзенә,
Чып-чуар чын бриллиант
Сипкән мени, күр, үзенә.*

*Какими капельками света
Усыпано ночное небо,*

Взгляни, как чистым бриллантом

Искрятся звезды.

(Подстрочный перевод А.М.Саяповой).

Поэт не ощущает тоски перед ночной природой. Для него существует лишь «светозарный день». «Рамиевская ночь» - область красоты жизни в абсолютном ее выражении» [Саяпова 1998: 178]. Его ночь – воплощение красоты земного мира. Поэт не хочет заострять внимание читателя на ее темном начале. Звезды в ночи (как и в «Silentium» Тютчева) питают душу лирического героя, придают ему силы [Саяпова 1998].

У Дардменда, напротив, нет стихотворений с ярко выраженной «ночной» тематикой. Однако в его лирике день чаще всего служит «...для выявления того, что есть ночь, того, что за жизнью, или того, что есть вечно непостижимая тайна» [Саяпова 1998: 219]. Если день у Дардменда – символ живого, реки жизни, реальности, то ночь – символ таинственной основы мира. Он избегает образов заката, вечера, ночи, но символом ночной природы, «певцом ночи» становится соловей [Саяпова 1998: 218]. В стихотворении «Сеңеп жиргә...» («Впитанная землей...») соловей поет о другой, неземной жизни. Голос этой божественной птицы звучит как символ того, что «...есть вечная тайна для человека» [Саяпова 1998: 189].

Ночь, живущая данным мимолетным мгновением, привлекала внимание С.Сунчелея, Ш.Бабича, З.Ярмяки.

Лирический герой Сунчелея связывает с образами дня и ночи прежде всего конкретные жизненные проблемы. Ночь традиционно является символом неблагополучия, день же – символ гармоничного, светлого начала жизни. Ночью человек очень ясно осознает призрачность своего бытия. Когда небосвод темен, нет места птице счастья на земле. Поэтому лирический герой стихотворения «Карангы һәм газаплы төн» («Темная и тяжелая ночь») призывает рассвет:

И таң, тиз ат! Кояш чыксын!

(О заря, скорей приди! Пусть взойдет солнце!)

С новым светлым днем Сунчелей связывает свои надежды на зарождение совершенно иных отношений между людьми. Ночь воспринимается им прежде всего как символ «несвободы» («Ирек» - «Свобода»), она становится воплощением всех темных сторон жизни. Но вера в наступление мира и спокойствия на земле не покидает его душу («Таң көтәм» - «Жду рассвета»), в которой живет образ светлого солнечного дня – символа жизни. Поэт призывает заглянуть вперед, увидеть образ зари – символ пробуждения, светлой любви. («Еракка кара! Еракта таң» - «Взгляни вдаль! Вдали заря»).

В лирике Сунчелея встречается иная трактовка ночи. Светлая, звездная, с благоухающим ветром ночь – этот образ он воссоздал в стихотворении «Дим буенда» («На берегу Дима»).

Современный мир, находящийся в распоряжении «темных сил», накладывает свой отпечаток на лирику Ш.Бабича. Он пишет о темноте, господствующей в мире:

Якты эзләп күккә бактым – якты нурлар иңмәде,

Жиргә бактым – жир караңгы...

Взглянул на небо: света нет. Меня не встретили лучи.

Я глянул вниз: темна земля, огонь цветов померк в ночи.

(«Караңгылыкта» - «В темноте», перевод Ю.Окунева).

В некоторых стихотворениях Бабича день воспринимается как лучезарная, светлоокая девица. («Ямьле көн» - «Погожий день»), а ночь открывает ему неведомое пространство далеких звезд. В ней ощущается нечто таинственное, не связанное с реальностью. Именно в это время суток лирическому герою открывается беспредельное, которое, однако, не принимает его. («Караңгылыкта»).

Зрительные картины ночной природы создавались в лирике З.Ярмяки и М.Файзи.

В стихах Ярмяки нет трагизма в восприятии ночной природы («Жәйге төн» - «Летняя ночь»). Ночь навевает лирическому герою мысли о молчании Вселенной, успокоении, всеобщей гармонии. В стихотворениях Ярмяки не ощущается разлада с окружающим миром. Его интересует реальная ночная природа, за которой не угадывается присутствие безумного хаоса.

День у Ярмяки оказывается символом безграничного бытия («Жәй башында» - «В начале лета»), носителем гармонии мира.

В лирике М.Файзи также дается реальная картина летней ночи: полная луна, теплые порывы ветра. Летняя ночь Файзи существует во времени, она имеет свои приметы.

В творчестве М. Гафури ночь получает традиционную для татарского мироощущения трактовку. Она – символ неблагополучия. Ночь приносит в мир несвободу, горе, слезы («Таҗ яктысы» - «Свет зари»).

Ночь навевает лирическому герою Н.Думаevi мысли о жизни, о месте человека в ней. Его волнует тишина ночи («Моңланып калган үлән, агач, ташлар, /Тавышсыз – тынсыз ята терек башлар» - «Төн»). Она наполняет его душу возвышенными думами, ночью он соприкасается с далеким звездным небом, между ними устанавливается связь («Жәйге айлы төн» - «Летняя лунная ночь»).

Итак, Дардменд, С.Рамиев, в известной мере Ш.Бабич и Н.Думаevi вслед за Тютчевым наполняют образ ночи определенным философским содержанием. Не житейские день и ночь изобразили поэты в своих произведениях, а космическое их видение. Ночь помогает им проникнуть в тайну Вселенной и человеческой души. Но в их лирике нет тютчевской глубины в восприятии этого образа.

Видение ночи С.Сунчелея и М.Гафури связано с традиционными представлениями: день оказывается символом жизни, ночь – символом неблагополучия.

Ночь, живущая данным мимолетным мгновением, - это ночь Ярмяки, Файзи. Поэтов привлекают частности, порой мелкие подробности. Природа у них более реальна, конкретна, чем у Тютчева.

Таким образом, понимание татарскими поэтами роли ночной стихии в жизни природы во многом отличалось от космического видения ночи Тютчевым. Их дни и ночи – размеренные, обыденные «дни нашей жизни».

Несомненно и то, что для восточного сознания практически не было характерно противопоставление света и тьмы.

ЛИТЕРАТУРА

Блок А. Педант о поэте // Собр. соч.: В 8 т.- М.-Л.: Гослитиздат, 1962.- Т.5.

Гачев Г.Д. Национальные образы мира: Курс лекций. М: Академия, 1998.– 430 с.

Касаткина В.Н. Поэтическое мировоззрение Тютчева. – Саратов: Изд-во Сар. ун-та, 1969. – 256 с.

Козырев Б.М. Мифологемы Тютчева и ионийская натурфилософия (из писем о Тютчеве) // Историко-филологические исследования: Сб. ст. памяти акад. Н.И.Конрада. – М.: Наука, 1974. – 256с.

Маймин У.А. Русская философская поэзия: Поэты-любомудры: А.С.Пушкин, Ф.И.Тютчев. – М.: Наука, 1976. – 190 с.

Саяпова А.М. Дардменд и проблема символизма в татарской литературе начала XX века: Дис. ... д-ра филол. наук.- Казань, 1998.- 325 л.